

Ohnesorg, Karel

Резюме

In: Ohnesorg, Karel. *Druhá fonetická studie o dětské řeči*. Vyd. 1. Brno: Universita v Brně s podporou Ministerstva školství a kultury, 1959, pp. 139-148

Stable URL (handle): <https://hdl.handle.net/11222.digilib/119003>

Access Date: 29. 11. 2024

Version: 20220831

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University provides access to digitized documents strictly for personal use, unless otherwise specified.

РЕЗЮМЕ.

Эта статья имеет тесную связь с более ранней работой (Фонетический очерк о детской речи, Прага 1948), в которой был дан анализ фонетического развития речи чешского мальчика (Карл, родившийся 18 октября 1942 года). В данной работе разработаны наблюдения развития фонетических реализаций в речи у девочки Марии, младшей сестры упомянутого мальчика, родившейся 1 марта 1944 года. Статья имеет своей целью внести вклад в развивающиеся исследования в области педолингвистики, в которой после выдающихся трудов Грегуара и Якобсона в последние годы появился ряд дальнейших ценных работ (Леопольд, Гвоздев, Хватцев, Коген, Качмарек, Смочиньски, Казаку и др.).

Статья основывается на анализе записей о развитии речи ребёнка от его рождения до времени стабилизации его речи (в возрасте 4;5). Способ ведения работы был тот же, как и при анализе речи первого ребёнка, и велся тем же самым методом. Поэтому в конце настоящей работы дается алфавитный список слов, по которым можно в конкретных случаях судить о развитии детского произношения, начиная первыми реализациями и кончая тем периодом, когда ребёнок произносил слово так же, как и окружающая его среда.

Этот словарик был составлен по такому же методическому принципу, как и в прежней работе, потому, чтобы иметь возможность в случае потребности сравнивать развитие слов в речи обоих детей. Цифра перед заглавным словом означает лишь порядковый номер. (Ссылки в тексте имеют в виду эти цифры для того, чтобы было легче искать в словаре.) Цифра, стоящая за словом, в котором слово вошло (или же на высшей степени развития было записано) в словарный состав ребёнка. За заглавным словом дается фонетическая транскрипция произношения окружающей среды, поскольку оно отличалось от литературного произношения. Записи датировались обычным в настоящее время способом. Так, например, цифры 3, 2, 4 означают возраст 3 года, 2 месяца и 4 дня. (В алфавитном перечне слов с целью упрощения набора выпущены знаки препинания; следовательно: 3 2 4). К записи присоединяется на конце в сокращении примечание о ситуации, при которой реализовалась зарегистрированная форма: *H* — так произнесено только один раз, *e* — эхолалически, *E* — в высказывании эмфатическом, *P* — тщательно, *N* — небрежно, *M* — ласкательно. Фонетическая транскрипция была почти та же самая, как и в предыдущей работе.

Только количество гласного (квантита) обозначается обычным в чешском языке знаком долготы: *ě* — вместо горизонтального знака, как это делалось в предыдущей работе: *ě̄*. А подобно тому, как и в первой работе только в исключительных случаях особо обозначались веллярное *n* и сильный приступ, так как эти варианты в речи ребёнка реализовались в такой форме, как это принято в разговорном чешском языке в Праге. Исходя из этого словарика и записей о развитии детской речи, автор старается постичь главные тенденции фонетического развития речи ребёнка. При этом он принимает во внимание и выводы своей первой работы, результаты наблюдения речи других чешских детей, а иногда и опубликованные данные и личные сообщения о развитии речи детей, вырастающих в иной языковой среде. А так как многие данные из наблюдений речи разных детей согласуются, то автор приходит к убеждению, что и в детской речи можно найти целый ряд явлений, в которых очень ярко проявляется определенная эволюционная закономерность.

Работа включает в себе следующие части: развитие артикуляции, свойства звуков, свойства связной речи, членение речи, модуляция речи. К ним присоединена глава об обстоятельствах, которые являются решающими для фонетического развития детской речи.

1. Развитие артикуляции.

Автор не уделяет особого внимания ни первому крику, в котором начиная с третьего месяца сильный приступ был несомненным признаком боли или недовольства, ни первым голосовым проявлениям при издавании звуков, так как, по его убеждению, речь идёт здесь о рефлексивных неартикулированных звуках. Эти звуки заключали в себе как элементы гласные (типа *a*), так и согласные (типа лабиального и веллярно-ларингального). Переходом к речи артикулированной (Совак) можно считать междометия (по большей части оноματοпоического характера), при помощи которых окружающая среда вступает в разговор с ребёнком, и которые ребёнок эхολалически повторяет. Лишь позднее в речи ребёнка появляются нарицательные имена, составленные из артикулированных звуков — односложные или двусложные. (Междометия, конечно, могут состоять и из большего числа слогов.) Переход от нечленораздельных звуков к звукам членораздельным происходит постепенно, причем отдельные звуки прodelьывают более короткий или более долгий процесс фиксации артикуляции. Этому процессу подвергаются не только согласные, но и гласные, как это уже было указано в первой работе. Из гласных в речи девочки прежде всего стабилизировалось *a*. При реализации этого гласного было

отмечено наименьшее число вариантов обычного чешского *a*. У остальных гласных стабилизация артикуляции продолжалась более продолжительное время, ибо ребёнок не может справиться с реализацией всех гласных фонем одновременно (Якобсон, Гвоздев, Качмарек, Смочиньски). Подобно тому как у других детей (Пфангаусер, Грегуар), так и у наших детей сначала появились в их речи гласные несуществующие в звуковом плане языка окружающей среды. (Лабializedанные *ǎ*, *ǔ* и неопределенный гласный *ə*). Что касается порядка, в котором установилась артикуляция гласных, то у Марии на первом месте было *a* (1;6,15), потом *e* (1; 11, 15), *u* (2;0), *o* (2;1), *ou* (2;1), *i* (2;2). (У Карла порядок был таков: *a* и *o* *ou* *e* и *i*.)

Правильной реализации согласных фонем ребёнок добывается постепенно. Некоторые согласные появляются уже в первых его высказываниях, тогда как у других процесс фиксации более длительно срока, причем до этого времени остаются или вообще нереализованными, или же заменяются звуками родственными в артикуляционном или в акустическом смысле. Каждый ребёнок переживает период физиологической дислалии (Гала, Совак). Так же, как и при развитии гласных ребёнок сначала реализует и те гласные, которых в его родном языке нет, так и его репертуар согласных является по началу более богатым и содержит некоторые особые согласные. (У наших детей *γ*, *γ'*, *l*, *l'*).

На основании развития произношения у наших детей и сравнения его с другими можно считать имеющими силу следующие правила: 1. ребёнок научается прежде всего правильно образовывать смычные, медленнее усваивает артикуляцию констрив; 2. лишь после стабилизации артикуляции шипящих в детской речи происходит реализация аффрикат; 3. последними в эволюционном ряде согласных обычно являются *l* и *r*; 4. у чешских детей, как правило, последним в эволюционном ряде появляется звук *ř*.

Интересно то, что звуки, появляющиеся среди последних в развитии речи ребёнка чаще всего подвергаются деформации при функциональной дислалии, то есть при несколько отличающейся реализации некоторых звуков и в том возрасте, когда большая часть детей (обычно после четвёртого года) артикулирует соответственным образом все звуки. По данным обширного исследования, проведённого в Чехословакии путём проверки произношения у 83.500 детей школьного возраста (сборник „Чехословацкая логопедия“) дислалия поражает по степени частоты меньше всего звук *l*, затем шипящие и аффрикаты, далее *r* и больше всего *ř*, то есть те согласные, которые развиваются в речи ребёнка с самыми последними. Артикуляция согласных в речи наших детей фиксировалась в следующем порядке:

M.: *p b m t d n t d ň h j f c h š s k g v ž z č c l r ř*;

R.: *p b m t d n t d ň h l f c h v j š s ž z k g č c r ř*.

Смычные даются детям легче, и при их реализации не наблюдается особых отклонений (кроме палатализации, а иногда депалатализации). Иногда встречается замена парных звуков, причем чаще реализуются глухие вместо звонких, чем наоборот. Велярные смычные дети заменяют зубными альвеолярными; научившись же артикулировать веляры, они иногда употребляют их и там, где должны быть альвеоляры. Эта замена $k-t$, $g-d$ не является отличительной чертой детской речи, она наблюдается также в некоторых диалектах и даже в историческом развитии языков мы также встречаемся с нею. Из числа щелинных звуков у обоих детей раньше всего развилось h (хотя это и не наблюдается у всех чешских детей), на втором месте — у М. j (как и у значительного большинства всех вообще детей); у К. было однако на втором месте l , которое потом долго заменяло j), затем f , сначала реализованное как билабиальное (как это бывает у детей других народов); однако парный звук звонкое v развилось гораздо позже. Трудной задачей для наших детей, как и вообще для большинства детей, были шипящие, процесс фиксации которых потребовал значительного времени. У обоих детей тупые шипящие появились раньше чем острые, а глухие — раньше, чем звонкие; раньше всего у них стабилизировалась артикуляция шипящих на конце слова (или на конце закрытых слогов), у обоих свистящие сначала палатализировались, и в произношении наблюдалось колебание в реализации между $s-s'-s'$ и $z-t-z$ (Гвоздев). Только после фиксации шипящих начали появляться аффрикаты, причем у обоих детей $č$ раньше чем c . Но здесь сначала замечалось колебание в реализации: $č-č-c$. Аффрикаты дети заменяли сначала смычными (t, ℓ), а позднее шипящими: ($s, š$). — В речи М. заменяющие смычные удержались дольше в начале слов, следовательно, в ударяемых слогах, чем внутри речевого такта.

М. только после аффрикат научилась правильно произносить l , которое до сего времени она заменяла звуком j , (как это делает, пожалуй, большинство детей во всём мире). При начале реализации l имело место колебание в ряде $ɥ-l-l-l-j$. Палатализация и вокализация l , с которыми мы встретимся у многих детей, имеет аналогию в развитии языков, а замена $l-j$, которая встречается на первых порах артикуляции у детей, возможна также в некоторых языках и в настоящее время (например, в албанском языке). Слогообразующее l оба ребёнка начали реализовать значительно позже, чем l в других позициях.

Предпоследним звуком в эволюционном ряду у обоих наших детей был вибрирующий звук r , который развился раньше всего после t и d . Пока дети не умеют произносить r они обычно заменяют его звуком l , а если же не освоили ещё произношение латерального звука, то реализуют здесь j . Подобно тому, как бывает сначала колебание в реализации между

парой $l-j$, наблюдается также колебание в реализации между $l-r$. Это явление мы также встречаем в развитии языков и в некоторых современных диалектах. (Великорусское наречие в Нижней Колыме, коряцкий язык в Сибири; замена реализации $l-r$ тоже возможна и в современном албанском языке.) Подобно тому как слогаобразующее l развилось лишь позднее, так и слогаобразующее r появилось только впоследствии, когда укрепилась артикуляция вибрирующего в остальных позициях. Лишь после фиксации r оба ребёнка научились как следует произносить r , которое до сих пор заменяли другими констриктивами, по большей части шипящими и их различными вариантами.

Фонетическое развитие речи у каждого индивидуума проходит с такой регулярностью, что мы можем в конкретном случае у ребёнка, речь которого исследуем, почти с полной достоверностью установить, как он будет реализовать новое слово, с которым он встретится в определённом периоде развития своей речи. Звуковые изменения в его речи сходны с звуковыми изменениями в различных языках, и при них проявляется та же самая закономерность, какую мы находим при синхроническом и диахроническом анализе языков (Штейн).

II. Свойства звуков

Группы согласных ребёнок упрощает; они появляются в его речи прежде всего на стыке слогов. Это упрощение встречается, как правило, в начале слов (Есперсен), а иногда и внутри речевого такта, причём из двух согласных (смычный — щелевой или щелевой — смычный) остаётся смычный. А если встречаются два щелевые, то по-видимому, выпадает тот, который является „младшим“, уступая место щелевому, артикуляция которого стабилизировалась уже раньше. Позже всего дети правильно реализовали группы согласных, составленных из трёх щелевых (*svjello*, *hvjezda*).

У обоих детей реализация высказывания была сначала фонетически верным подражанием слышанному образцу. Это делалось тремя способами: 1. вместо звуков, которые ребёнок пока не умеет ещё произносить, реализует звуки заменяющие, родственные в акустическом или артикуляционном отношении; 2. ребёнок заменяет звуки, которые не реализует, коротенькой паузой; 3. гласный перед пропускаемым согласным продолжается, потому что происходит „заменяющее удлинение“ (Яковсон, Смочиньски). На более высокой ступени развития ребёнок просто ограничивается пропуском упомянутого согласного.

В речи обоих детей наблюдалось отстранение разницы между соглас-

ными, звонкими и глухими, как у эксплозивных, так и у ффрикативных. (Артикуляция глухих также стабилизировалась раньше.) Это явление встречается и в речи детей зарубежных (Грегуйаи) и в историческом развитии языков. Утрата звонкости обычно происходила при эмфатических высказываниях, так что её можно было бы объяснять как следствие усиленной артикуляции. Но, по-видимому, такое объяснение усиленной артикуляцией было бы недостаточным, так как упомянутое изменение наблюдалось и в междометиях, которые в общем воспроизводятся фонетически верно, а также ещё потому, что *h* оглушалось в речи М. в слогах неударяемых, тогда как в ударяемых никогда не ослаблялось. (При этом у наших детей не наблюдалось оглушение сонорных, хотя в некоторых языках это явление бывает обычным.) Многочисленные ассимиляции встречались в проявлениях наших детей так же, как и у других. Что касается ассимиляции звонкости, то интересно отметить, что оба ребёнка с самого начала реализовали её так, как это бывает в речи взрослых (включая и явления сандхи), тогда как ассимиляцию звуковую они реализовали гораздо чаще, чем это наблюдается в речи окружающей среды. Весьма часто происходила ассимиляция на расстояние, как относительно гласных, так — а это случалось чаще — и относительно согласных. Гораздо чаще имела место ассимиляция предвкшающая (так наз. регрессивная), чем инертная (так наз. прогрессивная), которая происходит — по крайней мере согласно наблюдениям автора — только на низшей ступени развития. Диссимиляция случалась обычно при встрече двух смычных, из которых первый заменяется ффрикативным. Равным образом у обоих детей отмечалось много перестановок и чаще всего в длинных словах, содержащих плавные звуки, и в словах с необычной звуковой структурой. У обоих детей звуки часто бывали палатализованными. В предыдущей работе эта палатализация объяснялась большим артикуляционным напряжением. При этом была высказана мысль, что было бы необходимо иметь конкретные данные о положении языка во рту детей по сравнению со взрослыми. Так как П. Смочиньски доказал, что дети произносят сначала *t* и *d* с кончиком языка у нижних зубов, следовательно, подобно тому как образуется *t* и *d*, было бы нетрудно объяснить эту детскую палатализацию, ибо при повышении артикуляционного усилия язык легко переходит в положение необходимое для звуков палатализованных или палатальных. Депалатализация, много примеров которой мы находим в речи старшего ребёнка, у младшего встречалась лишь как редкое исключение.

Одновременно с палатализацией в речи детей наблюдается замена острых шипящих и щелевых тупыми. Когда же потом ребёнок научится палатализовать и деформировать шипящие, то он всё-таки иногда возвращается к этой реализации при эмфатических высказываниях, как бы

возвращаясь к более старому способу артикуляции (подобно тому как взрослые при эмфазе переходят к своему родному диалекту). К более старому способу произношения дети иногда возвращаются и умышленно, „играя в маленькие“ или ласкаясь.

III. Свойства высказывания.

Анализ речи младшего ребёнка подтверждает правильность высказанной в предыдущей работе мысли о том, что уже совсем маленькие дети очень рано начинают при некоторых обстоятельствах стилизовать свое высказывание из точки зрения фонетической, так что можно было бы говорить о разных фонетических стилях в их речи, из которых главными, были бы, по всей вероятности, стиль тщательный, небрежный и „ласкательный“, ибо высказывания детей уже в самом юном возрасте в зависимости от ситуации отличаются не только этимологически и синтаксически, но и некоторыми фонетическими чертами. Ласкательный стиль часто проявляется и при игре с речью, к которой дети питают большую склонность и при которой сами образуют разные новообразования (Чуковский).

Темп речи бывает у детей сначала очень медленный и ускоряется только позднее, а в особенности в то время, когда ребёнок начинает бегло говорить. Так же как и в речи взрослых темп речи ребёнка ускоряется при эмфазе, при которой одновременно наблюдаются такие же изменения в реализации высказывания, как и в эмфатической речи окружающей среды.

IV. Членение связной речи.

Первые детские словечки односложны или двусложны, однако же междометия могут иметь и больше слогов. Более длинные слова в детской реализации распадаются на самостоятельные речевые такты с собственным ударением, или же ребёнок сам их сокращает. Эти сокращения, о которых упоминается в целом ряде работ, можно объяснять двумя способами. Первичное сокращение происходит так, что ребёнок эхологически удерживает у себя в памяти конец более длинного речевого такта, выбирая элементы, которые его более всего заинтересовали, то есть прежде всего интонацию а потом ударение. На более высокой ступени развития, когда речь ребёнка интеллектуализируется, он удерживает в памяти то, что важнее всего для того, чтобы договориться, то есть корень и окончание.

*У. Модуляция связной речи
(ударение, количество гласного, интонация).*

Оба исследуемых ребёнка с самого начала вполне правильно употребляли ударение. В их первых высказываниях сила ударения была (после интонации и количества) также и фактором функциональным. Его различная интенсивность служила для дифференциации значения первых (омонимных) высказываний. Равным образом оба ребёнка подражали количеству в общем правильно, а разные модификации, как ударение и интонацию, они употребляли также с самого начала для различения омонимов. Как только они стали говорить бегло, то у них проявлялась ещё заметнее, чем у взрослых, тенденция ритмически выровнять длину (длительность) тактов, так что более короткие такты они произносили медленнее, а более длинные — быстрее при одновременном сокращении гласных в отдельных слогах, как это можно наблюдать в речи взрослых (Хлумски). Все эти три элемента ещё более находили себе применение при эмфатическом высказывании.

Первый период речи можно было бы назвать с полным основанием периодом мелодий (Качмарек), ибо интонация является первым функциональным фактором в детской речи. По интонации дети понимают высказывания окружающей среды интонации они также прежде всего подражают и широко её применяют в качестве функционального фактора, различающего их высказывания, дополняя её иногда жестами и мимикой (Коген). Интонация является первым элементом, которому ребёнок подражает по речи окружающей среды, который также раньше всех усваивает и который дольше всего сохраняется в речи взрослого, хотя бы он в общем уже приспособил свою речь (например, диалект) к речи окружающей среды. Последняя помогает ребёнку при его первых шагах к усвоению речи тем, что увеличивает модуляции тона в своих высказываниях тем более, что эти высказывания являются сильно окрашенными в эмоциональном отношении. Ребёнок подражает этим модуляциям, и потому-то его речь кажется более богатой в смысле модуляций тона, чем речь окружающей среды (Сееманн). Эти модуляции, по-видимому, являются более выразительными у детей, в родном языке которых мелодия имеет функциональную силу (напр., в чешском языке различение вопроса и сообщения). Через некоторое время у наших детей в начале третьего года модуляции тона становятся похожими на высказывания взрослых, но ребёнок возвращается к ним при эмфазе, или при „ласкательном стиле“. Будущие работы, при которых можно будет применить для записи речевых проявлений детей современную регистрационную аппаратуру, наверно, дадут много интересных данных в этом направлении и, по всей вероятности, докажут,

что как при развитии звуков и их групп здесь проявляется определенная закономерность.

Работа заканчивается рассуждением о моментах, имеющих значение для фонетического развития речи ребёнка. Автор здесь указывает на то, что на первой ступени развития ребёнок воспроизводит эхологически речевые импульсы весьма верно (Гала—Совак), и может поэтому реализовать, хотя бы и не точно, и звуки, артикуляцию которых он ещё пока не усвоил. Поэтому в междометиях и ономатопоических выражениях часто в его речи появляются звуки, которые он в общем не реализует (Фейе). Отклики этого действия акустического сходства слышанного высказывания мы можем найти и позднее, когда дети охотно берутся за слова, которые привлекают их своим звуковым сходством, не понимая даже и их смысла. На более высокой ступени развития, когда высказывания детей приобретают коммуникативный характер, их реализации фонетически являются уже менее точными и вызывают различные отклонения. Все эти отклонения однако нельзя только объяснять до сих пор недостаточно развитой ловкостью органов речи. Ведь ребёнок уже пользуется речью сознательно, реализуя те элементы, которые он выбрал для себя при восприятии речи, то есть те, которые имеют наибольшую функциональную силу для его сношений с внешней средой. Чем более развита психика ребёнка, тем сложнее процесс, через который проходит реализация его высказывания. Ребёнок уже не воспринимает речь, как звуковую форму, но производит определенную селекцию (Казаку) и выбранные элементы соединяет со своими звуковыми образами, которые нередко он создал раньше, чем сам начал говорить (Граммон). Поэтому случается, что он распознает фонемы речи окружающей среды, но заменяет их фонетическую реализацию, сам того не сознавая. Когда же ребёнок начинает бегло говорить, то он слышит произносимую речь сквозь „фонетическое сито“ структуры своего языка. Новые слова, с которыми он встречается, он соединяет со своими звуковыми образами (а произносит их иногда, как иностранец, встречающийся со звуками, которых нет в репертуаре фонем его родного языка. Некоторые отклонения в реализации высказывания ребёнка можно объяснить двумя моментами. Это „персеверация“ и „аррепция“.

Персеверацией можно объяснить те явления, при которых ребёнок сознательно „цепляется“ за те звуковые образы, которые когда-то для себя создал (Штумпф). В силу несознательной персеверации он настаивает на своей первоначальной реализации, которая у него когда-то закоренилась, не чувствуя разницы между своим произношением и произношением окружающей среды. И чем старше звуковой образ и и моторный, тем дольше удерживается несколько иная реализация. Эта мысль подтверждается наблюдением речи обоих детей: Когда же в их речи появился

новый звук, то он был прежде всего реализован правильно в словах, мало употребляемых и только теперь входящих в их словарный состав, тогда как у более старых слов удерживалась иногда очень упорно первоначальная реализация.

Аррепцией автор назвал (см.: *О развитии речи ребёнка*, Прага, 1948) особую восприимчивость детей к формам, необычным по своей звуковой структуре. Дети прямо жадно усваивают такие слова и включают их нередко на долгое время (к немалой радости воспитателей) в свои речевые высказывания, будучи как бы очарованы их звуковой (часто экспрессивной) формой. При сравнении записей о речи обоих детей появляются иногда прямо изумительные совпадения. Большую часть их можно объяснить определенной закономерностью, которая действительно в деле развития детской речи и которая доказывается этим сравнением, и с течением времени будет ближе освещена на основании дальнейших наблюдений (хотя бы даже выводы и были исправлены в некоторых подробностях). Однако кое-где совпадение настолько значительное, что надо предполагать весьма сильное влияние старшего брата на младшего ребёнка также и при фонетическом развитии его речи. В смысле расширения словарного состава это влияние было доказано в особой работе. (*Рост запаса слов в детской речи*, Universitas Carolina, Philologica vol. 1, Praha 1955, 85—107.) Оказалось, что подавляющее большинство первых слов было общим у обоих детей, и что только на высшей ступени развития настала дифференциация на основании различных интересов и психического характера обоих детей. Поэтому надо полагать, что в нашем случае, как кажется, это достоверно установлено, это влияние брата на развитие речи младшего ребёнка в некоторых случаях бывает сильнее, чем влияние речи взрослых.

АНАСТАСИЙ ЯНОВСКИЙ